

The title is surrounded by several light gray, stylized five-petaled flowers with small white dots in their centers. Some flowers are larger and partially overlap the text, while others are smaller and scattered around.

ПУТЕШЕСТВИЯ
ЛЕЙЛЫ
ДАНИЯ ЖАНСИ

The logo consists of three small, dark, four-pointed star-like shapes arranged in a triangular pattern above the brand name.

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж31

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Anna Pogulyaeva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Cover illustration by Hülya Özdemir

Жанси, Дания.

Ж31 Путешествия Лейлы / Дания Жанси. — Москва :
Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-199265-1

Лейла приходит в себя в мире, кардинально отличающемся от известного ей. Вскоре новая реальность начинает проясняться, но готова ли героиня мириться с ней и с отведенной ей ролью? Лейле придется принять непростые решения, чтобы остаться верной себе и своим принципам, актуальным в обоих мирах.

УДК 821.161.1-31

БК 84(2Рос=Рус)6-44

© Жанси Д., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199265-1

Часть I
МИР

Глава 1

Как тут странно и неудобно, в этой клинике. Но и легко, как никогда...

«Не волнуйся, Лейла, не волнуйся» — она боится этой фразы. Потому что в каждом тихом, нежном здесь-и-сейчас все же таится липкая паутина сомнений. И что они заладили свое: «Не волнуйся, Лейла». Будто если не волноваться, все неровности тут же сгладятся. Только мысли позитивно, заботься о себе, заботься о других. Со всем соглашайся.

Может, с ней все же что-то не в порядке? Может, поэтому лоскутки настоящего так часто расходятся с треском. Может, может... Может, все пошло не так с трагедии в Довиле. После очередного ее обморока.

Трагедия.

Для Лейлы это слово давно утратило форму и вкус, слишком часто его повторяли: на работе, пресс-конференциях, встречах с семьями погибших. Внутри она, трагедия, долго еще жила неназванной, глубоко личной. Просто затасканное слово отношения к ней больше не имело.

Грузовик на набережной. Фарс, нелепица. Показ круизной коллекции ее модного дома, того, на кото-

рый она работает. Работала. Муляжи белых лилий и роз вдоль подиума, из них торчат малиновые рапиры женских шпилек, все огромное или, говоря словами пресс-релиза, экзальтированное. Тема показа отражает ценности бренда — память о корнях и открытость миру. А также посыл новой коллекции — празднование уязвимости в мужчинах и утонченной силы в женщинах. Показы идут уже пару дней, и вот шоу для Лейлиной группы редакторов и «лидеров мнений». Наконец-то, последние сутки Лейла только и делала, что решала их проблемы: в таких поездках подопечные всегда становятся как дети. Гости заполнили ряды и проходы, набережную облепили зеваки. И началось. Яркий свет, дым, труппа карликов в корпоративных цветах, белом и малиновом, танцует брейк-данс. На подиум выходят модели. Разумеется, самая капризная блогерша из группы опоздала, не увидела стул со своим именем. Окей, где коллеги из Парижа и стул? Нашли. Вот только все наладилось, только Лейла выдохнула... И началось...

Сперва приглушенные крики с разных сторон, как в кинотеатре с объемным звуком. Лейла подумала еще: такого не было в сценарии, она же читала его в самолете. Потом увидела смуглую итальянку с полными солнца кудрями. Та округлила глаза, рот — крика не было слышно, Лейла просто его видела, ощущала. Волна паники прошла от девушки к Лейле и дальше до неба, до края горизонта. Голосили теперь ясно и громко. Все еще играла фоновая музыка, модели вышагивали по подиуму. Неужели и это — часть плана? Мировая какофония становилась ближе и ближе, цеплялась угловаты-

ми звуками и вспышками, накрывала все. Люди бежали куда-то, и Лейла тоже.

Только потом, спустя вечность, послышались сирены и хлопки. Рядом оказалась та самая блогерша, и Лейла повторяла ей снова и снова: не паникуй, все хорошо, не паникуй, все хорошо, не паникуй, все хорошо. Искала сообщения в рабочих чатах, телефон не слушался подушечек пальцев, не открывал сразу что надо. «На шоу ворвались грузовики с неизвестными». «Террористов обезвредили». «Исламские радикалы». Так потом говорили в новостях. Лейла и ее коллеги долго еще повторяли одни и те же слова — ключевые месседжи — журналистам и родным погибших. Слова о трагедии. Это стало новой работой. При каждом повторении душа готова была обжечься. Но слова эти только охладили, как большие замороженные рыбыны, от которых немеют пальцы.

«Терроризм не имеет национальности и религии» — так звучал один из таких месседжей. Может, поэтому, несмотря на арабское имя, общаться с родными погибших от имени компании часто отправляли ее. Ничего не объясняли, говорили только: можешь отказаться в любой момент. Но впервые за много лет Лейла знала, что делает что-то нужное. Не переписывает, как из года в год, пресс-релизы о дерзких экспериментах и открытиях в новых коллекциях, не работает живой вешалкой одежды для блогеров и редакторов. После разговоров с ней этим родственникам становилось хотя бы немного легче, и она чувствовала свою нужность, настоящесть.

Лейла тогда много времени провела в Центре заботы о близких в Довиле. Туда приходили и звонили люди, чьи родные были на шоу и пропали. Заботу о близких организовал «мировой лидер в управлении бедствиями», чей промысел — большие трагедии в разных странах, клиенты — крупные компании и правительства, а стоимость услуг — ох. Почти все, кто работал в этом центре, были добровольцами из сытых благополучных стран, откуда часто ездят поспасать мир во время отпуска или на пенсии. Каждый день сотрудники не высыпались, сидели на месте с раннего утра до вечера, не важно, зашел ли сегодня в центр хотя бы один родственник или нет. Каждый день долго и с шумом выбирали ланч с доставкой. Каждый день их вытянутый и почти прозрачный директор, точно не доброволец, подолгу распиная такую же субтильную коллегу. Особенно разозлился, когда та вставила в отчет цифры с сайта главного конкурента, другого мирового лидера в управлении бедами.

Сотрудники центра праздновали день рождения этого директора в ресторане гостиницы, где и жили. Задорная белоруска-администратор устроила конкурс с визгами и лопанием шариков между ног, именинник вспоминал, как год назад отмечал свой день тоже во Франции, недалеко, на месте авиакатастрофы, а за год до того на взрыве молла в Кении. В том же ресторане они и без того ужинали вместе каждый вечер: в свободное время рекомендовалось не уходить далеко и не привлекать к себе внимания.

Но и этот центр, и странный праздник тоже вписывались еще в Лейлины рамки, хотя так и норовили

вылезти за них. Невыносимо стало потом, когда в головном офисе все улеглось и вернулось в свою колею. А ведь ненадолго почти все стали настоящими, старались изо всех сил помогать друг другу и пострадавшим. И вот снова начали фальшивить, притворяться, ждать того же и от нее. Лейла сбегала в путешествия, книги. Решилась наконец на фэтграфтинг: когда твой жир берут из одной части тела и вкачивают в другую. Она хотела убрать бедра и добавить грудь, списалась даже с клиникой в Таиланде, вот-вот должна была туда полететь. Кто-то ушел во фриланс. А один коллега родом из Туркменистана купил красный «Порше» в кредит на несколько лет. Жизнь коротка и конечна.

* * *

Мир запросто мог сдвинуться и раньше, еще до показа, когда Лейла бродила по транзитному Сингапуру, голодная и злая. Весь перелет не кормили толком. В бизнес-классе одной из лучших авиакомпаний и партнера их показа в Довиле не нашлось второго овощного салата вместо блюда с запретными тогда углеводами. Двадцать часов из Новой Зеландии в Сингапур, пересадка в Австралии, где еду нельзя провозить даже транзитом. Еще и посадили в проходе, почти у эконома, с надменной улыбочкой спросили, умеет ли пользоваться креслом. Как будто очевидно, что Лейла не такая, как другие пассажиры здесь. Пусть и летела по служебному билету, который повысили до бизнеса только в последний момент. Сколько она уже перевидала этих кресел.

Лейла так ждала двадцать три транзитных часа в Сингапуре, так предвкушала. А пришлось долго ругаться в дорогом вроде бы ресторане, который рекомендовали все коллеги. Ее не хотели сажать одну за большие столы на террасе с видом на город, подсовывали дурацкий столик в закутке. Да она бы, может, заплатила там как за троих. Ох. И вот Лейла бродила по округе, искала и искала в трипэдвайзере другое место с хорошим видом и отзывами, не находила. Все раздражало, от голода тошнило, Лейла не спала почти сутки, много курила, а обычно почти не курила, пусть станет еще нестерпимее, пусть, и в какой-то момент... темнота, затем свет.

Пришла в себя на стуле уличной кафешки. Видела только небо, разные по цвету и форме верхушки небоскребов. Лейла и сама плыла там, высоко, пока не стала возвращаться, осознавать угрюмо, с безнадежностью, где она и кто. Не хотелось из хорошо знакомого нигде приходить обратно в себя, на соломенный стул, в мокрые теплые брюки. Что за бессилие перед телом, стыд, стоит на секунду потерять контроль. Просила помощи у компании молодых людей за соседним столиком. Только никто не откликнулся, как будто старались не замечать. Пришел официант, начал суетиться. «Nashatir, nashatir» — Лейла подносила пальцы к носу, изображала головокружение и вдох резкого запаха. Официант исчез надолго, потом вернулся зачем-то с серым хлебом и водой, застыл в послушной улыбке.

Тогда Лейла встала и пошла, ее гостиница была рядом. По пути искрился на солнце, журчал фонтан, и ни-

когда еще не было в жизни такой радости и простоты. Яркий мир, Лейла в нем. У входа в гостиницу громко окликнул симпатичный высокий европеец или, как она позже узнала, бур из Южной Африки с корнями откуда-то из Европы. Да, точно, они летели вместе из Дубая в Стамбул несколько месяцев назад и проговорили весь полет, а по телефону он отвечал кому-то на немецком. Было в его улыбке и глазах что-то настоящее, бесхитростное, а еще он был так крепко, надежно сложен, хорошо одет.

В тот первый раз в аэропорту искал ее глазами на паспортном контроле: Лейла убежала в туалет сразу, как приземлились, и стояла в очереди позади, проверяла соцсети и почту после долгих часов полета, было не до живого общения. В другое время, в другом мире она бы приятно удивилась этой новой встрече в Сингапуре, поговорила с ним опять, оставила контакты. Но после обморока лишь помотала головой с улыбкой и побрела дальше к номеру, к кровати.

Добравшись до постели, открыла почту на смартфоне, отменила все брони и конференц-звонки на следующие два дня. Лежала без движения, без ускорения, без мыслей. Перекатывалась через пустоту и боль в голове, через слабость. Радовалась, что хотя бы сейчас можно просто лежать и смотреть на серую в тени штор стену, не надо ни к чему стремиться, не надо быть лучшей сразу во всем. Много раз потом думала: может это тогда, из обморока в Сингапуре, она и очнулась в другой реальности, как бы сотворила ее сама. И на злосчастный показ в Довиле она летела оттуда.

Или мир сдвинулся лет десять назад, когда Лейла окончательно оторвалась от земли, стала жить тут и там, в самолетах? Или совсем на днях, после другого обморока, в море, во время короткой остановки на Кипре по пути из Токио? Сколько их было: и перелетов, и обмороков. Скоро, уже скоро целый месяц никуда не лететь, целый месяц не путешествия даже, а неспешной жизни в Таиланде. Так много знакомых ездили туда на чекапы и пластику.

Душно, влажно, но Лейла обещала себе плавать или бегать каждый день. Особенно перед операцией, после которой на месяц-полтора придется исключить любые нагрузки... пришлось бы... Не поспав даже, поев только орехи с сухофруктами, спустилась к консьержу в гостинице, арендовала машину, поехала на ближайший пляж. Дикий, без людей. Как она устала от людей. Окунулась целиком, поплыла. Как всегда. Только в этот раз вода была теплая, маслянистая, она обволакивала неприятно, хотелось быстрее выйти. В сумерках и земля, и небо рябили волнами, или так виделось без очков. Лейла нащупала уже ногами песчаное дно и шла к берегу. Только бы дойти до травы и сесть, хотя бы до песка дойти. Видимо, не успела.

И она снова там, где нежность обнимает. О ней заботятся, она дома. В покое, любви, чреве матери. Надо просто расслабиться, отпустить. Нет ни времени, ни пространства: радость, счастье. Но что там было... море... трава... Лейла куда-то плывет, идет... а дальше? Что-то не бьется, не вяжется с этой идиллией. Что-то не так.

И начинаю: «Просыпайся, Лейла, просыпайся». Плыву куда-то, рвусь. «Отдайся безмятежности, не старайся, не сопоротивляйся. Нет. Просыпайся, Лейла, просыпайся». Пока не протискиваюсь, наконец, куда-то и не вырываюсь, не прихожу в себя. Со-пор-со-пор-сопор-ти-вле-ни-е.

Так она очнулась в этой клинике в первый раз, прибитая к постели, как после наркоза или ночного бреда. Тогда и появились белые сны.

Холодно, беззащитно, белым-бело. И не пошевелиться.

* * *

Каким он был, мир до белых снов? Размытым по причине и плохого зрения, и нелюбви к оптике. До вождения машины Лейла вовсе обходилась без очков или линз. С ними реальность становилась чрезмерной, наваливалась сразу: избыточная, искусственная. Вот зачем так подробно видеть вывески на обочине дороги или коллег в другом конце опенспейса, борьбу внутренних демонов ли, гормонов ли на лице шефи-ни? Снять очки иногда было спасением. Очки или линзы, кроме как за рулем, Лейла надевала только на важные мероприятия и прогулки по новым городам или природным чудесам света. С волнением погружалась в высокое разрешение продуманного до мелочей мира, каждый раз ненадолго.

Без очков Лейла теряла в нюансах, не всегда читала между строк. Языковой барьер она давно преодолела,